

УДК 821.161.1.09 «18»

ББК 83.3 (2=Рус) 5

Ш 65

Шишхова Н.М.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры литературы и массовых коммуникаций Адыгейского государственного университета, e-mail: sessvetla@mail.ru

Анкудинов К.Н.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и массовых коммуникаций Адыгейского государственного университета, e-mail: ankudinovkirill@rambler.ru

Проявления романтического мировоззрения в поэтическом творчестве русских ранних символистов (на примере произведений К. Бальмонта, С. Соколова-Кречетова, И. Анненского, А. Блока...)
(Рецензирована)

Аннотация:

Исследуются особенности романтического мышления в поэтическом творчестве ранних русских символистов. Рассматривается уникальность проявления романтического мировоззрения в творчестве К. Бальмонта, С. Соколова-Кречетова И. Анненского, А. Блока. Основное внимание уделено произведениям, содержащим романтически маркированные элементы, которые отражают взаимосвязь традиций. Анализ поэтического материала позволил выявить типичные проявления этой взаимосвязи, описать их в сравнительном плане, а также раскрыть специфику ее выражения. Анализируется динамика освоения романтического мышления названными выше поэтами. С опорой на типологические наблюдения и литературоведческий анализ представляются уже известные гипотезы, касающиеся поставленной проблемы. Вместе с тем выдвигается тезис и мотивируется очевидная возможность всплеска романтического мышления в разные конкретно-исторические эпохи. Констатируется, что в творчестве ранних русских символистов нашли отражение самые разные воззрения, восходящие к русскому и европейскому романтизму.

Ключевые слова:

Романтизм, символизм, релятивизм, романтическое мировоззрение, акмеизм, декадентство, поэтический опыт, французские парнасцы.

Shishkhova N.M.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department of Literature and Mass Communications, Adyghe State University, e-mail: sessvetla@mail.ru

Ankudinov K.N.

Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Literature and Mass Communications, Adyghe State University, e-mail: ankudinovkirill@rambler.ru

Manifestations of romantic outlook in poetic works of the Russian early symbolists (K. Balmont, S. Sokolov-Krechetov, I. Annensky, and A. Blok)

Abstract:

Features of romantic thinking in poetic creativity of Russian early symbolists are

investigated. The uniqueness of manifestation of romantic outlook in K. Balmont, S. Sokolov-Krechetov, I. Annensky, and A. Blok's creativity is examined. The basic attention is paid to the works containing the romantically marked elements which reflect interrelation of traditions. The analysis of poetic material made it possible to reveal typical manifestations of this interrelation, to describe them in the comparative plan, as well as to disclose specifics of its expression. An analysis is made of dynamics of development of romantic thinking by the above called poets. The well-known hypotheses concerning the put problem are represented with a support on typological observations and the literary analysis. At the same time the thesis is put forward and the obvious possibility of surge in romantic thinking during various specific historical eras is justified. It is stated that the most different views which are going back to the Russian and European romanticism have found reflection in creativity of Russian early symbolists.

Keywords:

Romanticism, symbolism, relativism, romantic outlook, acmeism, decadence, poetic experience, French Parnassians.

В 2015 году вышла монография одного из авторов данной статьи К. Анкудинова «Романтизм без берегов. Русская романтическая поэзия второй половины XX – начала XXI веков» [1]. В ней предполагалась и мотивировалась возможность существования «нового романтизма» за пределами рамок романтизма как конкретно-исторического направления; согласно концепции монографии романтизм способен возникать в последующие периоды на базе специфического романтического мировоззрения. В монографии были отмечены три основополагающих (маркирующих) признака романтического мировоззрения – бытие чётко разграничивается на два антагонистических начала – на «Я» и «Не-Я» («романтический дуализм»); самостоятельность «Я» обеспечивается безусловным признанием свободы «Я» («романтическое свободоположение») и центральным предметом рефлексии становится трагическое взаимодействие между «Я» и «Не-Я» («романтический конфликтоцентризм») [1:83]. Объектом исследования книги стали две эпохи – эпоха конкретно-исторического романтизма (последнее десятилетие XVIII – первая половина XIX вв.) и заявленная в заглавии книги эпоха «нового романтизма» (вторая половина XX – начало XXI вв.). За пределами исследования оказалась расположенная между этими периодами куль-

турно важная эпоха «серебряного века» (последнее десятилетие XIX – первая четверть XX вв.). В это время в западноевропейской литературе (в первую очередь в английской литературе) происходил расцвет направления, называемого «неоромантизм». Были ли аналогичные явления в русской литературе? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к поэзии русских ранних символистов.

«Романтизму в раннем символизме» препятствовали два фактора. Во-первых, над этой поэзией тяготело наследие русской постромантической философской лирики XIX века, и, в первую очередь, лирики Ф. И. Тютчева, преодолевшей, изживавшей «романтический дуализм» на основе религиозно-христианского монизма. «Истинным субъектом исторического процесса, по Тютчеву, выступает Бог как до конца никем не постижимая сила Провидения, имеющая, однако, свою историческую закономерность» [2:58]. А во-вторых, ранний символизм сам стремился к преодолению «романтического дуализма», выдвигая разнообразные проекты преодоления разрыва как между личностью и окружающим её миром (между «Я» и «Не-Я»), так и между культурным и социальным планами действительности. Эти проекты могли носить различный характер – «неохристианский» (круг Д. Мережковского и З. Гиппиус), неомифологи-

ческий (Вяч. Иванов и его ученики, адепты «соборного индивидуализма»), метафизический (А. Белый и «Аргonautы») либо культурно-светский (В. Брюсов). Однако в любом случае пафос «символистского синтеза» был концептуально враждебен дуалистическому базису романтического мировоззрения. Этой проблеме была посвящена книга-монография советского литературоведа Павла Громова «А. Блок, его предшественники и современники» [3]. По мнению П. П. Громова, достоинством Александра Блока, выгодно отличавшим его от всех «сотоварищей по символизму», было отсутствие обольщений «синтетическими проектами», призванными «соединить искусство с жизнью». П. П. Громов анализировал конфликтное отношение А. Блока к «синтезам» Д. Мережковского («Примечательность возражения Блока на теории Мережковского в том, что ни в какие «синтезы», гармонирующие выходы из современного положения вещей он не верит» [3:94]), Вяч. Иванова («Адресат послания, «царским поездом» проходящий по жизни, - это человек «синтеза», человек, несущий в себе «гармонию», «цельность», «царственность» - вопреки тому, что делается в окружающей действительности» [3:205]) и А. Белого («Белый и стоящая за ним группа «Аргonautов» настойчиво и систематически добиваются понимания... связей в духе «тождества», «синтеза»; Блок же... добивается исследования и художественного воспроизведения трагических разрывов, драматических противоречий в самом человеке, в самой жизни» [3:174]). Такая имманентная особенность мировоззрения А. Блока делает этого поэта чутким к веяниям романтического мировоззрения. Однако проявления романтического мировоззрения той или иной формы встречаются в поэтическом творчестве не только у А. Блока, но и у других ранних символистов.

Один из двух знаковых представителей «старших символистов», поэт-

импрессионист Константин Бальмонт был «стихийным ницшеанцем»; в отличие от других «ницшеанцев в символизме» (таких, как А. Белый, Вяч. Иванов, Г. Чулков, Эллис) он не пытался приспособить идеи Ницше в основу различных «соборных проектов». В переломном 1900 году в свет вышел первый сборник-манифест «нового, символистского Бальмонта» - книга «Горящие здания». В открывающем эту книгу стихотворении «Я устал от нежных снов...» декларируется альтернативная программа лирического героя, не примиряющегося с миром, а бросающего ему вызов: *Я хочу порвать лазурь / Успокоенных мечтаний. / Я хочу горящих зданий, / Я хочу кричащих бурь... / Я хочу кинжальных слов / И предсмертных восклицаний* [4: 27]. В этой «декларации о намерении» эстетическая парадигма «Я» противопоставлена этической парадигме «Не-Я», что характерно для романтизма «шеллианско-бодлеровского» извода. В другом стихотворении этого сборника «Я люблю далёкий след - от весла...» провозглашается провокационный «нероновский» имморализм: *Если я в мечте поджжг - города, / Пламя зарева со мной - навсегда. / О, мой брат! Поэт и царь, - сжжвший Рим! / Мы сжигаем, как и ты - и горим!* [4: 36]. По сравнению с другими вариантами «символистского имморализма» - нравственным релятивизмом В. Брюсова, демонизмом Ф. Сологуба, амбивалентностью З. Гиппиус - в позиции К. Бальмонта преобладает романтическая самодостаточность «Я» в его конфликте с «Не-Я».

В многочисленных «стихотворениях-автодекларациях» сборника «Будем как Солнце» (1903) Константин Бальмонт противопоставляет победительное «Я» всему окружающему бытию: *Я заключил миры в едином взоре, / Я властелин* («Я в этот мир пришёл, чтоб видеть солнце...» [4: 125]), *Предо мною другие поэты - предтечи* («Я - изысканность русской медлительной речи...») [4: 153].

Сфера буржуазно-городской цивилизации («Не-Я») характеризуется К. Бальмонтом крайне отрицательно: *«Человек современный, низкорослый, слабосильный, / Мелкий собственник, законник, лицемерный семьянин, / Весь трусливый, весь двуличный, коснодушный, щепетильный, / Вся душа его, душонка – точно из морщин»* («Человечки») [5: 101], *В мучительно-тесных громадах домов / Живут некрасивые бледные люди* («В домах») [4: 158]. Не случайно признание К. Бальмонтом преемственности по отношению к мировоззрению М. Лермонтова – и именно в аспекте конфликта между «Я» и «Не-Я»: *О, Лермонтов, презрением могучим / К бездушным людям, к мелким их страстям, / Ты был подобен молниям и тучам... / И вижу я, как ты в последний раз / Беседовал с ничтожными сердцами, / И жёстким блеском этих тёмных глаз / Ты говорил: «Нет, я уже не с вами!» / Ты говорил: «Как душно мне среди вас!»* («К Лермонтову») [4: 93]. Заметим, что в круге «символистов соловьёвской традиции» вслед за Владимиром Соловьёвым укоренилось отрицательное либо настороженное отношение к личности М. Лермонтова. Также ранний К. Бальмонт тяготел к романтику и ницшеанцу Максиму Горькому, что в среде «религиозных символистов» считалось дурным тоном; впрочем, и сам поэт не жаловал эту среду: *Вы разливаёте, сливаете, / Не доходя до бытия. / Но никогда вы не узнаете, / Как безраздельно целен я* («Далёким близким») [4: 241]. Квинтэссенцией взглядов Константина Бальмонта стало его ультраромантическое заявление: *Я ненавижу человечество, / Я от него бегу спеша. / Моё единое отечество - / Моя пустынная душа* («Я ненавижу человечество...») [4: 239].

Однако следует сказать, что в романтической войне «Я» с «человечеством» (с «Не-Я») у К. Бальмонта всегда находится союзное начало; это – природа и природные стихии. «Я» К. Бальмонта как бы растворяется в многообразных и бесконеч-

ных стихиях ветра, огня, воды, солнечного и лунного света, фауны и флоры. В этом плане творчество пантеиста К. Бальмонта ближе не к «собственно романтизму», а к предшествовавшему ему немецкому штурмерству, точно охарактеризованному советским литературоведом И. Волковым: «О штурмерском герое отнюдь нельзя сказать, что он «не предаётся ничему», но «всё заставляет себе предаваться», что он «весь погружается в себя» и «от одного себя ждёт спасения», что он живёт «одиноким, своим, не чужим сердцем» и т. д. Нет, штурмерский герой не отчуждён от мира, не одинок. Его характер не является исключительно его собственным достоянием, напротив, сущность его заключена во всеобщей природе человеческого рода, в его естественной природе, а индивидуальная неповторимость героя, самобытность его личности есть лишь неповторимое, самобытное, «гениальное» выражение этой естественной природы... Не герой-штурмер отчуждён от мира, а, напротив, среда, окружающая его, находитя в отчуждении от подлинной, естественной с точки зрения штурмерской литературы природы человеческого общества... штурмерская литература – это, прежде всего «апофеоза» природы, а уж затем – личности...» [6: 12-13].

Романтическое мировоззрение проявлялось в творчестве некоторых авторов, которые для нас вынесены на периферию «символистского мира» (хотя в своё время они претендовали на «мейнстримное положение»). Так московский адвокат Сергей Александрович Соколов (публиковавшийся под псевдонимом «Кречетов» и вошедший в историю литературы как «Сергей Соколов-Кречетов») редактировал журналы «Искусство», «Золотое руно», «Перевал», был основателем и руководителем издательства «Гриф», активно занимался иной литературной деятельностью. Однако в оценке «признанных мэтров символизма» он никогда не выходил на первый план. Поэтическое творчество

С. Соколова-Кречетова первых десятилетий XX века в своей эстетике и проблематике парадоксально предвосхищает поздний жанр «фэнтези». Например стихотворение этого поэта «Братья», написанное в 1910 году, которое выстроено как диалог двух братьев. Один из братьев призывает другого идти за ним к «священному холоду вершин» и к «орлиному замку»; второй брат отвергает его призывы словами *...рука моя в крови, / И кровь бежит по смолкшей лире... / Дышу в дыму пороховом. / Не мне кадилниц ароматы* [7: 357]. Первый брат повторяет призыв: *Иди за мной! В моих горах / Звенит родник, певуч и звонок. / Ты в нём омоешь дольний прах / И выйдешь ясным, как ребёнок* [7: 358]. Его собеседник вторично отвергает призыв, завершая ответ так: *Прощай, мой брат. Не быть с тобой / Мне в узах ласковой дремоты. / Мой путь туда, где дышит бой, / Твой путь на горные высоты* [7: 358]. Образная система и тематика этого стихотворения восходит к семантическому узлу русского романтизма 30-40 гг. XIX века, к парадигматике А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Полежаева, Е. Баратынского, А. Бестужева-Марлинского и других романтиков данного периода. В конфликтный диалог вступают два варианта отношения «Я» к «Не-Я» - эскапистская («пушкинская» / «баратынская») стратегия ухода «Я» от «Не-Я» в «горные высоты» и боевая («лермонтовская» / «полежаевская») стратегия противостояния «Я» с «Не-Я». Финал стихотворения остаётся открытым: автор не комментирует позиции братьев; судя по тому обстоятельству, что речь второго брата («бойца») всегда следует после речи первого брата («горного жителя»), вероятно, автору ближе выбор «бойца». В превращённом виде это стихотворение отражает обращение С. Соколова-Кречетова (в те годы видного левоопозиционного деятеля) к своему антагонисту и учителю В. Брюсову (тогда настроенному деполитизировано).

Глубже, тоньше, сложнее проявление

романтического мировоззрения присутствуют в поэтическом творчестве Александра Блока и Иннокентия Анненского.

Лирика И. Анненского синтезировала русские позднеромантические традиции с традициями французских «парнасцев» и символистов. Недаром в качестве какой-то особой признательности о нем пишут: «...известен также как переводчик стихов П. Верлена, Ш. Бодлера, Леконта де Лиля и др.» [8: 237]. К этому было бы весьма кстати добавить, что не менее прочно он тяготел к Стефану Малларме, к его искусству поиска тайного смысла и намеков.

Хотя И. Анненский писал стихи уже в 70-е годы XIX века, но именно в 80-е, когда французский символизм окончательно оформился в качестве литературного направления, эволюционировав к декадентству, его имя стало появляться в русской печати. Хотя оно станет притязательным уже гораздо позже. Единственный прижизненный сборник стихотворений поэта был выпущен в свет в 1904 году (причем автор скрыл свое имя). Любопытно, что книга сорокадевятилетнего поэта была встречена сочувственно снисходительными откликами В. Брюсова и А. Блока. Лишь во второй половине 1900-х годов стихотворения И. Анненского стали появляться на страницах символистских периодических изданий. В 1909 году поэт принял участие в организации журнала «Аполлон», где после его смерти сложился своеобразный культ Анненского.

Сам поэт неоднократно заявлял о своей «декадентской», поздне-символистской ориентации. Однако безоговорочное отнесение его творчества к символизму представляется в достаточной степени проблематичным. Значительно превосходя годами лидеров символизма (как «старшей», так и «младшей генерации»), Анненский был чрезвычайно далек от их литературной борьбы, идейно-эстетических устремлений, издательских начинаний и т.д. От символистов его резко отличает не-

внимание к проблемам «религиозной общности», теургического «жизнеустройства», эсхатологического «исполнения сроков» и сама теория символизма, а также его интерес к социальным вопросам. Этот интерес наиболее отчетливо звучал в стихотворениях, созданных Анненским под непосредственным влиянием первой русской революции («Петербург», «Старые эстонки», «Из стихов кошмарной совести»). *О, мучительный вопрос! Наша совесть... Наша совесть...: - восклицает поэт* («В дороге»).

И. Анненский - один из первых русских поэтов, сформировавших внутренний портрет интеллигенции, оказавшейся перед реальной революцией. Это ужас и возмущение после расстрела в октябре 1906 года революционного митинга в Ревеле, сочувственное изображение коллективного портрета угнетенных, поднимающихся на борьбу с несправедливостью (стихотворения в прозе «Autopsia»).

Очевидные несовпадения поэтических опытов И. Анненского с поисками символистов были одной из причин того, что акмеисты считали его своим «цеховым метром»: пристальное внимание к предмету, детали, психологически мотивированная ассоциативность, камерное звучание. Именно это позволило Ю.М. Лотману охарактеризовать его как «принудительно монологического, сознательно замыкающегося в пределах тщательно создаваемого мира поэта» [9: 637].

Этим и объясняются во многом сложившиеся характеристики поэтической системы Анненского вне пределов теории символизма в рамках «внеаправленческого литературоведения» (по формулировке В.Е. Хализева). По словам самого автора, он выражает «боль городской души», которую пытали Достоевским». *Я слабый сын больного поколения*, - признается он в стихотворении «Его» [10: 75-182].

В отличие от Бальмонта, Брюсова, Анненский избегает поэтической экспансии «чрезмерности красок, вызыва-

ющей экзотики». Лирику поэта можно было бы назвать «сумеречной»: смерть, тоска, уныние, бессилие и апатия («У гроба», «Ненужные строфы», «Далеко... далеко...», «Трактир жизни», «Тоска», «Бабочка газа» и др.).

Как и многие символисты, И. Анненский был критиком современной литературы, которая служила для него способом полилога, способом «диалогизировать» (термин М. Бахтина) любой текст, с которым он имел творческое соприкосновение. Например так происходило с четырьмя трагедиями в стихах на сюжеты эллинской мифологии. Наиболее известные из них «Лаодамия» и «Фимаракифарэд», поставленные в 1917 году Камерным театром А.Я. Таирова. Свои трагедии на тот же сюжет написали Брюсов и Сологуб («Протесилай умерший» и «Дар мудрых пчел») в художественной переключке с Анненским. Об отношении поэта к античным сюжетам написано немало, и сам он утверждал, что стремился выразить в них «душу современного человека». Его многочисленные переводы стихотворений Горация, Гете, Гейне, Лангфелло, французских «парнасцев» и символистов достаточно прокомментированы как пример вольности и субъективности. В его сборнике «Тихие песни» был целый раздел переводов под названием «Парнасцы и прокаженные», где представлена первая шеренга французских символистов: Верлен, Рембо, Корбьер, Роллина, Малларме.

Общеизвестно, какое влияние все эти поэты, творческие пристрастия которых сложились в недрах позднего романтизма, имели на И. Анненского. При этом, как пишет М.Л. Гаспаров: «В подходе Анненского к этому материалу были любопытные особенности. Как это ни странно, его привлекают в них не столько стиль, сколько темы: одиночество поэта, одержимость, преданность неземному, безытиность, обреченность, предсмертие, смерть» [11: 435].

Действительно, пессимизм поэта

выражен отчетливее всего в разработке его излюбленных тем: смерть, тоска, уныние, бессилие, апатия («У гроба», «Нежные строфы», «Далеко..., далеко...», «Трактир жизни», «Тоска», «Бабочка газа» и др.)

Более ста лет назад европейские декаденты ввели в обиход понятие «fin de siècle», в котором концентрировалось представление об упадке идеологии, культуры, искусства, философии, исчерпавших себя. И в 90-е годы XIX века ранние русские символисты, так называемые «декаденты», обрушили на голову читателя Бога и Дьявола, Диониса и Христа, «тезу» и «антитезу», - словом, равноправные и противоположные ценности. Процесс, весьма характерный для предреволюционных лет, с его явным подъемом романтических настроений, с мечтой о героическом преобразовании мира. Все это отчетливо выражено в творчестве А. Блока, захваченного поэзией Владимира Соловьева «в связи с острыми мистическими и романтическими переживаниями» [12: 93].

В лирике Соловьева Блока особенно увлекали платонические и романтические идеи «двоемирия» - противопоставления «земли» и «неба», материального и духовного. Свойственные писателям-романтикам и Вл. Соловьеву идеи многозначности образов Блок одним из первых русских поэтов отразил структурой образов-символов в «Стихах о Прекрасной Даме». Генетиче-

ские традиции блоковской поэзии, по мнению М. Гаспарова, предвосхищены еще Фетом и во многом завершены в творчестве позднего О. Мандельштама.

Любопытно, что классическим примером, демонстрирующим символистический стиль Блока, стало стихотворение «Идут часы, и дни, и годы» (1910) (Ю.М. Лотман, М.Л. Гаспаров, З.Г. Минц). Смена картин, уподобление героя Христу, - все это свидетельства особого поэтического языка, созданного поэтом.

Пути осложнения и трансформации творческого пути А. Блока не входят в рамки нашей статьи. Безусловно одно, и следование романтическим традициям, и осмысление романтической терминологии и их преодоление в его поэзии. По словам М. Лотмана: «Действительно, для романтической лирики (как В. Соловьева, так и для Блока, его «Стихов о Прекрасной Даме») основная антитеза – «небо» и «земля», «Я» и «НЕ-Я». Мир «Я» противостоит миру социальному, «среде», или «Я» растворяется в народе, теряя себя» [9: 637].

Вся совокупность рассмотренных особенностей нового искусства рубежа XIX-XX веков демонстрирует его зависимость от романтических истоков. Об этом свидетельствует и понятие «неоромантизм», ставшее вполне устойчивым при изучении рассматриваемого периода отечественной литературы XX века.

Примечания:

1. Анкудинов К.Н. Романтизм без берегов. Русская романтическая поэзия второй половины XX – начала XXI веков. Майкоп: Изд-во АГУ, 2015. 221 с.
2. Шишхова Н.М. Политическая лирика Ф.И. Тютчева как часть его мировоззренческой концепции // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2013. Вып. 1 (114). С. 54-60.
3. Громов П.П. А. Блок, его предшественники и современники. 2-е изд. Л.: Сов. писатель, 1986. 600 с.
4. Бальмонт К.Д. Избранное. М.: Правда, 1990. 608 с.
5. Бальмонт К.Д. Солнечная пряжа. Стихотворения, очерки. М.: Дет. лит., 1989. 240 с.
6. Волков И.Ф. Основные проблемы изучения романтизма // К истории русского романтизма. М.: Наука, 1973. С. 151-183.

7. Русская поэзия «серебряного века». 1890-1917. Антология. М.: Наука, 1993. 784 с.
8. Краткая литературная энциклопедия. Т. 1. М., 1962. 1087 с.
9. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство-СПБ, 2001. 848 с.
10. Анненский И. Стихотворения и трагедии. Л., 1990. 640 с.
11. Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. II. М., 1997.
12. Соловьев Вл. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974.

References:

1. Ankudinov K.N. Romanticism without shores. Russian romantic poetry of the second half of the 20th – beginning of the 21st century. Maikop: ASU Publishing House, 2015. 221 pp.
2. Shishkhova N.M. Political lyrics of F.I. Tyutchev as a part of his ideological concept // Bulletin of the Adyghe State University. Ser. Philology and the Arts. Maikop, 2013. Iss. 1 (114). P. 54-60.
3. Gromov P.P. A. Blok, his predecessors and contemporaries. 2nd ed. L.: Sov. writer, 1986. 600 pp.
4. Balmont K.D. Selected works. M.: Pravda, 1990. 608 pp.
5. Balmont K.D. The Sun's yarn. Poems, sketches. M.: Det. lit., 1989. 240 pp.
6. Volkov I.F. Main problems of studying romanticism // On the history of Russian Romanticism. M.: Nauka, 1973. P. 151-183.
7. Russian poetry of the «Silver Age». 1890-1917. Anthology. M.: Nauka, 1993. 784 pp.
8. A short literary encyclopedia. Vol. 1. M., 1962. 1087 pp.
9. Lotman Yu.M. On poets and poetry. SPb.: Art-SPb, 2001. 848 pp.
10. Annensky I. Poems and tragedies. L., 1990. 640 pp.
11. Gasparov M.L. Selected works. Vol. II. M., 1997.
12. Solovyov V.I. Poems and comic plays. L., 1974.